

armija-stala-tretjej-po-chislennosti-armiej-v-nato-665983-2024/ (дата обращения: 05.10.2024).

3. Экономические санкции в отношении Республики Беларусь // Посольство Республики Беларусь в Королевстве Бельгия и Великом Герцогстве Люксембург. – URL: https://belgium.mfa.gov.by/ru/exportby/eu_sanctions/ (дата обращения: 05.10.2024).

*П.А. Барахвостов, кандидат политических наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

О ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕГО КИТАЯ)

Глубинные трансформации современного мира актуализировали проблему исследования сущности и динамики развития общественных систем (ОС). Одним из эффективных методов ее исследования является институциональный подход, дополненный теорией институциональных матриц [1], в соответствии с которым функционирование ОС обеспечивается посредством сложной структуры институтов, понимаемых в самом широком смысле как «правила игры», определяющие направленность социальных действий [5]. Выделяются *базовые* институты двух альтернативных типов, формирующие институциональную матрицу (ИМ), – *редистрибутивные* и *рыночные*. К базовым *редистрибутивным* институтам относятся: общественная собственность, редистрибуция с задействованием центра, централизованное политическое устройство, коммунитарное мировоззрение. Базовые *рыночные институты*: частная собственность, купля – продажа как институт обмена, неиерархическая властная структура, субсидиарность, индивидуалистское мировоззрение. Доминирующий институциональный тип определяется на стадии формирования общественной системы и, вследствие «эффекта колеи», остается таковым в последующие исторические эпохи. Именно им определяется идентичность общества, комплементарный же тип институтов обеспечивает устойчивость системы и смягчает кризисные ситуации. В соответствии с типом доминирования институтов в ИМ выделяются два основных типа общественных систем: Х (незападные) и Y (западные).

Среди социокультурных институтов одним из важнейших является религия. Возникает вопрос, каково институциональное место религии в обществе и как она связана с другими общественными подсистемами. Данная проблема рассматривается в настоящем сообщении для кейса Китая, представляющего собой классический пример страны Х-типа. В исследовании охвачен временной период, связанный с формированием и ранними стадиями эволюции

общественной системы Китая, параллельно с которыми шла институционализация религии – определялись сущностные черты этого института, его роль в социуме, задавалась траектория развития светской и духовной ветвей власти, сохраненная в целом до настоящего времени.

Превалирование редистрибутивного принципа организации хозяйственной деятельности, обусловленного ирригационным характером земледельческих работ, обусловило оформление на этих землях классического гидравлического общества, характеризуемого предельным доминированием редистрибутивных институтов.

Так, на заре существования Китая (период династии Шан) собственность (в частности, ее основной вид в ту эпоху – земля) была сосредоточена в руках государства в лице верховного правителя, который мог передать ее без права продажи, но с возможностью передачи по наследству в пределах семьи крестьянским общинам, являвшимся основной хозяйственной единицей, либо отдельным подданным [4].

В более поздний период Западного Чжоу (1050–771 гг. до н.э.) сложился особый политический институт редистрибутивного типа – клановая система [3]. Ее ядро – правящий клан, члены которого получили большие земельные наделы, титулы (местных правителей), право управления своими землями *от имени короля* и передачи своих титулов старшим сыновьям. Члены других кланов могли получить подобные привилегии, вступив в родственные отношения с правящим кланом (например, путем усыновления). Основой социальной сплоченности стало *кровное родство*. Права и обязанности правящего класса были неотделимы от его родовой принадлежности.

С течением времени усиление местных правителей обусловило ослабление центральной власти и политическую децентрализацию. Достижение гегемонии требовало экономической мощи и человеческого потенциала, следствием чего стало возникновение рыночных институтов, комплементарных в ИМ: права приобретения земельных наделов крестьянами, законов в поддержку частной собственности, доступа в политическую сферу лиц по заслугам, а не по признаку родства с правящим кланом, что подрывало клановую систему [3, р. 273].

Подобный период разбаланировки сложившейся комбинации институтов в ИМ может характеризоваться как социальный кризис. Любые кризисы такого рода неизбежно вызывают религиозный отклик, так как религия является попыткой объяснения непонятого, преодоления чувства социальной неопределенности. Именно в этот период распада клановой системы в Китае формируется религиозная сфера. Ее основа – не определенная религия (в европейском понимании), а философско-религиозные течения, религии-идеологии, в которых *божественному* уделяется минимальное место, что объясняется высочайшей степенью «редистрибутивности» ИМ Китая, гидравлическим характером его социума. В основе любой религии, основанной

на понятии божественного, присутствует так называемый «скачок веры», совершаемый всегда индивидуально. Китайские же философско-религиозные учения базируются не столько на индивидуальной вере, сколько на философских концепциях и ритуалах, совершаемых коллективно.

Первый «кирпичик» в религиозную сферу Китая – конфуцианство. В конфуцианстве вся система мироздания строится на основе точного соблюдения принципа иерархии (иерархизированная структура – редистрибутивный институт). На вершине системы мироздания – Небо как высшая первосущность, определяющая судьбу всего живого на Земле. Китайское государство располагается сразу под Небом, его лидер – совершенномудрый верховный владыка, живущий по законам Неба. Идеальное государство, построенное по модели космоса, иерархично, как и вся природа. Примечательно, что для конфуцианства нет единого Бога, высшая власть на Земле персонифицирована в лице совершенномудрого правителя, но его власть не бесконечна.

Вместе с тем конфуцианство, абсолютизируя иерархию как основу построения всего сущего, что указывает на редистрибутивные элементы в этом религиозном институте, не абсолютизирует роль государства, а выделяет центральное место в жизни человека семье (по определению независимый от государства институт, относящийся, с точки зрения политической науки, к гражданскому обществу). Таким образом, в конфуцианстве прослеживается институциональный дуализм, «редистрибутивно-рыночная гибридность».

По мере централизации власти в Китае в эпоху Цинь редистрибутивные идеи, выдвинутые в конфуцианстве, развиваются до своего логического предела в философском течении легизма. В центре него – сильное государство как необходимый элемент ОС. Главный постулат легизма – о равенстве всех (за исключением верховного правителя) перед богами и перед законом, понимаемым как публично провозглашенные государством принципы и нормы поведения и обеспечиваемые государственным принуждением. Легизм в данном случае выступал как попытка структурирования зарождавшейся религиозной сферы на принципах жесткой редистрибутивности. Однако это противоречило компенсаторной функции религиозных институтов в ИМ (обоснованной автором в предыдущей работе на примере России) [2], и, как реакция, возник даосизм.

Основа даосской религиозно-философской доктрины – концепция Дао. Дао – мать мира, порождающая все сущее. Дао нельзя дать определение: определить значит ограничить, а Дао не знает границ (отсутствие ограничений можно понимать как рыночный элемент в этой концепции) и определяется через то, чем оно не является. Дао отрицает книжное знание в пользу интуиции, так как книжное знание доступно только избранной высшей страте. Даосизм натуралистичен, что проявляется в утверждении о необходимости жить в согласии с Дао, которое априори спонтанно. Все, что не спонтанно, должно

быть отторгнуто, включая законы и власть, ибо они порождены людьми, а не Дао. В основе даосизма – этика «недеяния»: человеку не следует делать ничего, что противоречило бы Дао. Даосизм проповедует нонконформизм, а в крайности – анархизм, принижая роль власти. Он отрицает как социальную, так и ценностную иерархию, характерную для конфуцианства – даосизм склонен к этическому релятивизму. Как следует из вышеизложенного, даосизм обладает характеристиками, присущими рыночным институтам.

Следующим философско-религиозным течением явился буддизм. Примечательно, что в буддизме существует два основных течения: хинаяна, предполагающее путь к спасению только в монастырях (редистрибутивный институт), и махаяна, постулирующее возможность спасения через индивидуальные духовные практики, доступные всем (рыночный институт). Согласно буддологической «лесной гипотезе», махаяна возникла при диффузии буддизма в Китай, что согласуется с компенсаторностью религиозных институтов.

Примечательно, что конфуцианство, даосизм и буддизм не имеют строгой церковной организации (что можно объяснить наличием достаточно сильного государства на Востоке, которое не желало формирования духовной ветви власти даже в децентрализованной форме), и, соответственно, для него нет религиозных текстов и священных писаний, поскольку их созданием должна была озаботиться эта духовная ветвь власти.

В целом, конфуцианство «смягчило» усиление редистрибутивных институтов в ИМ Китая, даосизм и буддизм препятствовали полному подавлению рыночных институтов. В результате сложился единый духовно-философский базис китайской нации, *выполняющий компенсаторную функцию в общественной системе*. Эти учения воспринимаются как три взаимодополняющие части миропонимания. Механизмом его возникновения явился синкретизм, когда религия не отторгает чужеродные элементы, а впитывает их, соответствующим образом перерабатывая. В условиях доминирования редистрибутивных институтов синкретизм обусловил возможность автономии личности, свободы ее религиозного поиска, в результате которого происходит не органическое усвоение «веры отцов», но индивидуальное самоопределение в вопросах веры, а то и конструирование «личной религии».

В свою очередь, в ходе процесса индивидуации личности, описанного К. Юнгом, данный философско-религиозный комплекс, предоставляя возможность самоосознания через противопоставление себя социуму, способствует стремлению человека оставаться частью этого социума, то есть стабильному доминированию редистрибутивных институтов в институциональной матрице (и, в частности, жестких иерархических структур в социуме, где человек расположен на строго определенной ступеньке иерархии).

Иными словами, выполняя компенсаторную функцию в ИМ, религия балансирует и тем самым укрепляет институты политические, препятствует их эрозии. В этом суть взаимосвязи и взаимозависимости институтов религиозной и политической сфер.

Источники

1. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y теорию / С. Г. Кирдина. – СПб : Нестор–История, 2014. – 468 с.
2. Barakhvostov, P. A. The Compensatory Function of Religious Institutions in the Society's Institutional Matrix / P. A. Barakhvostov // Mir Rossii. – 2023. – Vol. 32, № 4. – P. 56–70.
3. Haixia, Q. Balancing in Ancient China / Q. Haixia // Bridging Two Worlds. – 2023. – Article 267.
4. Jiang, G. H. A Historical Pattern: The Imperial Mode / G. H. Jiang // The Imperial Mode of China: An Analytical Reconstruction of Chinese Economic History. – Cham, 2023. – P. 177–201.
5. North, D. C. Institutions / D. C. North // Journal of Economic Perspectives. – 1991. – Vol 5, № 1. – P. 97–112.

*Д.В. Белявцева, кандидат политических наук, доцент
БГУ (Минск)*

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В политической теории эффективность государственного управления определяется как возможность органов государственной власти реагировать на факторы воздействия внешней среды, сохраняя при этом стабильность и устойчивость политической системы. Государственное управление является эффективным, если его цели и задачи достигаются в кратчайшие сроки и с наименьшими затратами государственных средств. Существуют различные виды эффективности государственного управления – экономическая, социальная, экологическая, региональная и др. В условиях изменения глобального мирового порядка и необходимости сохранения и укрепления суверенитета важнейшую роль приобретает социальная эффективность. Главный критерий социальной эффективности государственного управления – повышение качества и уровня жизни человека.

Оценка качества и уровня жизни общества имеет объективные (материальные) и субъективные аспекты. Объективные и субъективные оценки благополучия могут не совпадать, поэтому роль субъективного фактора